

«ДРУГАЯ РУСЬ»
В РУССКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ

© Александр Филюшкин

Хотя Россия и не обременена претензиями на роль наследника Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ), последнее занимает важное место в русской исторической памяти. Она видит в этом литовском «зеркале исторической памяти» саму себя. Как писал Н. Г. Устрялов:

«...Мы следим, по ее (истории ВКЛ – А. Ф.) указаниям, за постепенным развитием государственного организма, чтобы постигнуть основные начала своей народности... мы ищем в ней ответа на великий вопрос, что такое Россия?»¹.

На первый взгляд, причины востребованности русской мыслью дискурса ВКЛ лежат на поверхности. Они напрямую зависели от политической конъюнктуры. Предполагается, что российской имперской историографии нужно было подвести историческое обоснование под разделы Речи Посполитой (1772, 1793, 1795), подавление польских восстаний 1830 и 1863 гг., вторжение на территории Западной Украины и Белоруссии, а также в Прибалтику в 1939–1940 гг. Этим и был вызван всплеск интереса к истории ВКЛ и в 1830–1840-е гг., и после 1863 г., и после окончания Второй мировой войны. Перечисление работ, содержавших данные идеологические установки (хотя и с разной степенью искренности), заняло бы слишком много места, поэтому ограничимся называнием имен наиболее значительных авторов. Это Н. Г. Устрялов, Г. Ф. Карпов, М. В. Довнар-Запольский, Е. Ф. Шмурло, В. Б. Антонович, М. О. Коялович, С. Ф. Платонов, А. Е. Пресняков, В. Т. Пащуто, Б. Н. Флоря и др. А когда в постсоветское время обнаружилась «какая-то в державе нашей гниль», российская мысль, в том числе, обратилась к опыту «западных русских». В ВКЛ стали искаать «истинную», «правильную» систему организации государственной жизни русского народа (статьи С. В. Думина, М. М. Крома и др.).

Несомненно, на уровне обслуживания историками пропагандистских задач дело обстояло именно таким образом. Однако стоит заметить, что про-

¹ Устрялов Н.Г. Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское? Сочинение Н. Устрялова, читанное на торжественном акте в Главном педагогическом институте 30 декабря 1838 г. Санкт-Петербург, 1839, с. 5–6.

цессы осмысления роли и места ВКЛ в русской истории протекали значительно сложнее. Их нельзя сводить только к простому обслуживанию экспансионистских устремлений властей или поиску обществом своего демократического идеала в несостоявшейся средневековой альтернативе «российской судьбы». Более перспективным представляется изучение взаимосвязи генезиса дискурса ВКЛ с теми моментами в развитии российской историографии, когда образ ВКЛ оказывался востребован для подтверждения результатов каких-то собственных интеллектуальных и духовных исканий, иными словами, когда дискурс ВКЛ мало интересовал русскую мысль сам по себе, а являлся вторичным, производным, иллюстративным по отношению к более глобальным и собственно российским дискурсам. Таких дискурсов можно выделить четыре:

- Дискурс агрессивности ВКЛ: «Россия как жертва литовской оккупации»;
- Дискурс исторической обреченности ВКЛ: трактовка ВКЛ как «исторического недоразумения», слаборазвитого государства, пытавшегося «восхитить» у России ее гегемонию в Восточной Европе;
- Дискурс необходимости завоевания ВКЛ: «Наши земли!», ВКЛ как случайно отколовшаяся часть «всей Руси»;
- Дискурс «правильной Руси»: трактовка ВКЛ как более совершенной и удачной модели социально-политического развития по сравнению с «московской деспотией».

Коротко рассмотрим каждый из обозначенных дискурсов.² Для русской исторической памяти характерна концепция *«translatio servilium»* – «длящегося рабства». Со времен средневековья Россия осознавала (и осознает) себя как страну, которую постоянно кто-то либо тайно или явно хочет поработить: от монголо-татар и немецких рыцарей до многочисленных «тайных агентов влияния» и «пятых колонн». Этим перманентным переживанием или самой иноземной агрессии, или ее ожидания, или необходимости бесконечной траты сил на организацию отпора реальным и потенциальным захватчикам часто оправдывался догоняющий тип развития России. Мол, созидать и совершенствоваться оказывалось некогда, надо было выживать и обороняться... Согласно данному дискурсу, именно внешняя угроза не дала России проявить в мировой истории весь свой потенциал.

² Более подробно об этом см. мою статью в рамках круглого стола по «дискурсу ВКЛ», организованному журналом *«Ab Imperio»* (Филюшкин А.П. Вглядываясь в осколки разбитого зеркала: Российский дискурс Великого княжества Литовского // Ab Imperio: Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве, 2004, № 4, с. 561–601).

Мы не беремся судить, насколько такая парадигма сформировалась в русском менталитете под воздействием действительных исторических обстоятельств, а насколько являлась дискурсом, использовавшимся для самооправдательных практик. Нам представляется, что в любом случае русский исторический проект мыслился его носителями как периодическое самоощущение России под иноземным (а также и социальным) гнетом разного характера, борьба с которым оказывалась основным содержанием истории русского народа и его главной миссией. Состояние порабощенности в памяти народа сочеталось с постоянной готовностью к бунту, как против засилья иностранных врагов, так и эксплуатации простых людей «богатыми и сильными».

При осмыслении места ВКЛ в русской истории отечественными мыслителями XIX–XX вв. Литва была вписана в этот контекст «*translatio servilium*». В истории ВКЛ историки нового времени не видели ничего, кроме

«...тяжостного ига, которое досталось в удел целой половине Русского народа и около четырех веков, как лютая язва, терзало страну, где возникла и в полном блеске развилась Русская жизнь, где было истинное наше отечество, где покоятся и бренные останки наших князей, прославивших Русское имя в странах отдаленных, и нетленные мощи Св. угодников, хранителей Русского народа. Видеть, как страдала Русь под ярмом польским, как боролась она со своими гонителями, как изнемогала, падала, изобразить все бедствия наших иноплеменников, отторгнутых от лона общей матери случайным сцеплением обстоятельств, и снова возвращенных под кров родимый, представить все это, – есть, без сомнения, одна из важнейших задач для Русского бытописателя... пусть же покажет нам и злосчастную долю единоверной, единоплеменной нам Руси западной... он обязан непременно показать, каким образом в западной Руси, под игом поляков, постепенно исчезали главные черты ее народности, как она боролась со своими гонителями, чтобы спасти свою веру, свой язык...»³.

При таком ксенофобном восприятии ВКЛ (атрибутируемого как «Польско-литовское государство») Литва мыслилась не столько самостоятельным агрессором, сколько агентом европейской экспансии на славянские территории. ВКЛ не просто захватила исконно русские земли, но и насилием насаждала на них чуждую католическую или униатскую религию, иноземную культуру, извращенные, отличные от Московской Руси социально-экономические и политические отношения.

Важно подчеркнуть следующий принципиальный аспект, ставший одним из несущих элементов конструкции российской исторической памяти о ВКЛ. Прямыми следствием попадания потомков населения Киевской Руси в состав

³ Устрялов Н.Г. Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское? Сочинение Н. Устрялова, читанное на торжественном акте в Главном педагогическом институте 30 декабря 1838 г. Санкт-Петербург, 1839, с. 37–38.

ВКЛ стало их экономическое, классовое угнетение с национальной окраской. Кровопийцами, панами и магнатами в ВКЛ, а затем в Речи Посполитой выступали литовцы и поляки, которые мучили крестьян-славян. Последние же спали и видели приход своих освободителей из России. Поэтому ликвидацией Речи Посполитой и объединением под своей властью бывших земель ВКЛ Россия восстановила историческую справедливость сразу на нескольких направлениях.

Главным криминалом в истории ВКЛ российские ученые видели ее сближение с Польшей. В свете формирования в империи в XIX в. в результате польских восстаний 1830 и 1863 гг. устойчивого образа поляка как инсургента, бунтовщика и врага России по определению, унии литовцев и русинов с поляками, действительно, смотрелись явным пятном на репутации «русско-литовского народа». Например, Е. Ф. Шмурло, в принципе признававший возможность и Москвы, и Вильно быть центром объединения русских земель, писал, что как только Литва сблизилась с Польшей, она утратила моральное право быть собирателем русских земель, и оно однозначно перешло к Москве:

«Польша настолько заслонила собой Литву, что и самое соперничество получило теперь иной смысл: прежний спор о том, которому из двух русских государств удастся захватить большие земли, кто в собственной среде захватит гегемонию и объединит все русские земли, – превратился в распри двух национальностей, от исхода которой будет зависеть: Москва ли поглотит Польшу или Польша Москву»⁴.

Вытеснение образа недруга-литовца фигурай врага-поляка, который полностью затмевал все литовские элементы при слиянии ВКЛ с Королевством Польским в XVI в., хорошо видно на примере взглядов М. О. Кояловича. Он считал литовцев не самостоятельным этносом, а частью («племенем») западнорусского народа, наряду с белорусами и малороссами. Облик литвинов у Кояловича не ксенофобен, а благороден: это «сторожевой полк Русский», защищавший Русь от прусских и ливонских рыцарей. Врагов, приходящих из ВКЛ, Коялович видел в «поляках и жидах». Слияние с Польшей в результате Кревской (1385) и Люблинской (1569) уний, по его мнению, стало роковым – «сейчас же стали подготовляться элементы к разложению Русско-Польского государства». Русский народ не захотел жить с поляками – и последние получили Хмельницчину: «дело народное перешло в руки народа» – западнорусского казачества⁵.

Впрочем, восстание Богдана Хмельницкого в 1648 г. было лишь завершающим актом вековой борьбы населения ВКЛ против иноземных поработителей.

⁴ Шмурло Е.Ф. Курс русской истории: Русь и Литва. Санкт-Петербург, 1999, с. 10–11.

⁵ Коялович М. Лекции по истории Западной России. Москва, 1864, с. 48, 63, 65, 253.

лей и за воссоединение с Москвой. История ВКЛ в конце XIV–XV вв. виделась Кояловичу как серия прорусских мятежей против союза Литвы с Польшей и католической церкви: это восстания Андрея Полоцкого и Святослава Смоленского (ок. 1386), Глеба Смоленского, Корибута Северского, Владимира Волынского, Федора Подольского и Свидригайлы (все – после 1393). А в XV в. на Люблинском (1447), Парчевском (1451), Сгородском (1452), Парчевском и Петроковском (1453) сеймах русские и литвины, объединившись против польского засилья, требовали исключить из государственных актов слова: «оба государства являются один народ, одно тело, оба государства сливаются в одно». При Александре Казимировиче главным государственным деятелем Литвы Коялович объявили Михаила Глинского, «лидера Русской партии», не побоявшегося поднять мятеж в ее защиту. Причиной восстаний исследователь видел всю ту же идею *«translatio servilium»*: «литвины-латиняне поставлены – в положение господ, Русские-православные – в положение рабов». Дальше – больше: «При Сигизмунде I, обыкновенно называемом «Справедливым», положение Русских православных очень походило на положение христиан в Турецкой империи»⁶.

Идея о том, что ВКЛ высасывала все соки из порабощенного славянского населения для собственных нужд, чуждых русскому народу, мысль о «похищении» Литвой у русских княжеств их «исторической силы», жизненного потенциала, были общим местом многих работ, исповедующих в отношении Литвы концепцию *«translatio servilium»*. Например, процитируем мнение по этому поводу М. К. Любавского:

*«...Но еще важнее были потери внутреннего характера. Племя, населявшее древнюю Полоцкую землю, потеряло много жизненных сил, которые ушли в Великое княжество Литовское на строительство чужой государственности и общественности, на создание иной, не чисто русской культуры»*⁷.

Этот тезис о «восхищении» ВКЛ у русских жизненной силы повторил А. Е. Пресняков. Его курс был прочитан в 1908–1910 гг., и издан в СССР в 1939 г. (к печати текст готовил Б. А. Романов). Курс начинался с описания распада Киевской Руси и ситуации в Галицко-Волынских землях⁸. И только потом из отношений с Галицией, Волынью, а также Полоцком выводилась история возникновения ВКЛ. Тем самым ВКЛ воспринималась читателем как нечто случайное,

⁶ Он же, с. 147, 156, 160–161, 174–175, 178, 183–184, 186.

⁷ Любавский М. К. Основные моменты истории Белоруссии. Москва, 1918, с. 17.

⁸ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. II. Вып. 1: Западная Русь и Литовско-русское государство. Москва, 1939, с. 22–43.

мелкомасштабное, которое начало расти, лишь благодаря потреблению питьательных жизненных соков древнерусских княжеств:

«Западной Руси готовилась судьба пойти материалом на строение нового политического здания – великого княжества Литовского... к которой области русские примкнули, как аннексы»⁹.

В популярной брошюре Ф. Еленев утверждал:

«Все, что поддерживало еще в западной Руси стройность и единство народной жизни и гражданскую свободу большинства жителей, все это было русского происхождения; все, что полагало в ней начало разъединения, вражды и рабства, пришло к нам из Польши».

В 1569 г., заключив Люблинскую унию, Польша достигла двухвековой мечты, несмотря на протесты русских и литовских депутатов, покинувших сейм. Польша «не только обезоружила своего самого опасного врага, западную Русь, но сделала ее основою своего наружного могущества»¹⁰. Но через 300 лет, писал Ф. Еленев, для польских оккупантов пришла расплата.

Примерно такую же оценку польской политики на русских землях ВКЛ дал М. В. Довнар-Запольский:

«Почти полтораста лет истрачено было поляками на то, чтобы в государственном смысле осуществить унию, задуманную в 1385 г., и осуществить эту идею пришлось им среди воплей и проклятий значительной части западно-русского общества».

Но и это был не конец, прошло еще три четверти века, «когда поляки, наконец, могли чувствовать себя в Литве и северо-западной Руси, как у себя дома. Но это уже было время агонии обоих государств»¹¹. Таким образом, у Довнар-Запольского появляется применительно к ВКЛ один из принципиальных элементов концепции *«translatio servilium»* – победа не идет поработителям впрок. Оккупация русских земель может означать лишь временное торжество неприятеля и является точкой отсчета процесса, неизбежно ведущего супостатов к гибели.

Очень показательна лексика сочинений, посвященных проблематике русско-литовского противостояния. Авторы, возможно, не всегда отдавая себе в этом отчет, активно использовали архетипичные компоненты «дискурса врага» в русской мысли. Литовцы по бывшим землям Киевской Руси «рыскают», «как по своим собственным», «наводняют» их. Они «хозяйничают» в русских городах, «чинят насилие», прежде всего священникам, женщинам, детям и

⁹ Он же, с. 45.

¹⁰ Еленев Ф. Польская цивилизация и ее влияние на Западную Русь: Издано в пользу народных школ западно-русского края. Санкт-Петербург, 1863, с. 22–24.

¹¹ Довнар-Запольский М.В. Польско-литовская уния на сеймах до 1569 года. Москва, 1897, с. 1–2, 6.

старикам. Отряды воинов ВКЛ именуются не иначе, как «шайками». Законных правителей русских княжеств литовцы «выгоняют». Зато отдельные князья ВКЛ называются «фанатическими пропагандистами католицизма и вместе с тем тиранами»¹². Довнар-Запольский презрительно отзывался о православных князьях в Литве, служивших полякам, называя их «русское удельное княжье»¹³. Захваченные литовцами древнерусские территории Пресняков именовал «землями-аннексами», и насчитывал шесть таких земель – это Плоцкая, Витебская, Смоленская, Киевская земли, Волынь и Подolia¹⁴.

Естественно, что справедливой реакцией на литовскую оккупацию мог быть только ответный удар, русский «марш на Запад». И здесь дискурс ВКЛ был востребован как важнейшая компонента русского геополитического мышления. В российской ментальной картине мира в новое время память о существовании ВКЛ приводила к некоторым проблемам. Начиная с реформ Петра I и провозглашения известного лозунга Екатерины II, что Россия «есть европейская держава», для россиян довольно остро звучал вопрос, где начинается Европа. Скажем, европейцы ли казанские татары? А донские казаки? А запорожцы? Ответ на эти вопросы можно было дать, рассматривая проблему только в историческом ключе, через призму памяти о былом единстве восточнославянского мира, который тогда легко вписывался в Европу по праву происхождения. Но в прошлом носителями данного единства выступали одновременно две державы – ВКЛ и Российское царство...

Однако куда в таком случае надлежало помещать ВКЛ? В Европу на равных (или – неравных) правах с Россией? В число суверенных локальных государств, преградивших путь Московии на Запад? Или относить территории ВКЛ и РП к особой буферной, промежуточной зоне между мирами, империями, цивилизациями?

Чтобы убрать ВКЛ как препятствие между Россией и Европой, в российской имперской историографии довольно рано возникает концепция, что само существование ВКЛ являлось временным историческим недоразумением, что эта этногосударственная общность не имела оправдания своему существованию. Необходимо было максимально возможно дискредитировать в глазах россиян историю ВКЛ и РП, чтобы ненароком не закралась мысль о неправомерности их поглощения: слабое и нелепое государство, тем более тяжело ви-

¹² Любавский М. К. Очерк истории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно: С приложением текста хартий, выданных Великому княжеству Литовскому и его областям. Москва, 1915, с. 19, 20, 30.

¹³ Довнар-Запольский М.В. Польско-литовская уния на сеймах до 1569 года. Москва, 1897, с. 4.

¹⁴ Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. Т. II. Вып. 1: Западная Русь и Литовско-русское государство. Москва, 1939, с. 109–110, 129.

новатое перед русским народом, было бы ничуть не жалко... Получает развитие идея об исторической и социальной неполноте ВКЛ как державы, просто обретенной на присоединение к более высокоразвитой России.

Начиная с первых российских работ, специально посвященных ВКЛ, в них неизменно присутствует указание на тот или иной аспект ущербности средневековой Литвы по сравнению с Московским царством и тем более с империей. Практически все позитивное, что было в истории ВКЛ, объявлялось либо плодами трудов русского православного населения ВКЛ, либо – результатом обучения жителей ВКЛ у русских.

Наиболее обстоятельное и раннее обоснование данной концепции было предложено в 1867 г. в монографии Г. Ф. Карпова. В ней Литовское государство изображено как абсолютно неспособное справиться даже со своими внутренними проблемами: «Скоры князей литовских не разрешал их государь, и за это дело взялся Иван Васильевич... Литовско-польский государь, как Государь многих самостоятельных народов, не мог руководить разнообразными их интересами, поэтому предоставил своим народам самим заботиться о себе»¹⁵.

Соединение этих брошенных на произвол судьбы народов ВКЛ под пастырским скипетром российского царя под первом Карпова выглядело для них истинным спасением. Данные идеи были подхвачены и развиты в дальнейшем. М. К. Любавский писал: «В русской общественности литовские князья, по всем признакам, могли почерпать более сил и средств для утверждения государственности, чем в общественности литовской»¹⁶.

Еще более резко высказывался В. Б. Антонович:

«Несмотря, однако, на видимое внешнее могущество, на обширную и многолюдную территорию, вошедшую в его состав, на энергию господствовавшего племени и на старую культуру племени подчиненного, великое княжество Литовское также быстро ослабевает и разрушается, как быстро возникло. Внутреннее бессилие поражает этот, по-видимому, могучий политический организм; едва он успел сложиться, он ищет уже посторонней точки опоры, подчиняется влиянию соседнего государства... Литовское княжество замирает, укладываясь в бытовые и общественные формы, выработанные на совершенно чуждых ему началах...»

Причиной гибели ВКЛ ученый видел борьбу разнородных этнографических и бытовых начал, которые так и не смогли найти способы слияния в рамках Литовского государства¹⁷.

¹⁵ Карпов Г.Ф. История борьбы Московского государства с Польско-Литовским. Москва, 1867, с. 13, 21, 28.

¹⁶ Любавский М.К. Основные моменты истории Белоруссии. Москва, 1918, с. 15; также см. Малиновский II. Рада Великого княжества Литовского в связи с Боярской думой Древней России. Ч. II: Рада Великого княжества Литовского. Томск, 1904, с. 3.

¹⁷ Антонович В.Б. Очерк истории Великого княжества Литовского до половины XV столетия. Вып. 1. Киев, 1878, с. 1–3.

Для многих российских историков XIX – начала XX вв., писавших о ВКЛ, было совершенно не ясно, что же литовского было в ВКЛ. Поэтому они не видели в данном государстве своего, а не заимствованного у России внутреннего стержня. У ВКЛ, с их точки зрения, не было мононациональных корней, своего «государственного народа» (если исключить трактовки, когда таковым народом в ВКЛ изображался русский народ). Литовцам отказывалось в способности создать полноценные исторические произведения, способные адекватно отразить свою же национальную историю: «... во всяком случае, Литовская Метрика, в сравнении со [московскими] Статейными списками, не имеет никакого права равняться с ними по достоинству: она отличается ничтожностью сообщаемых ею известий и чрезвычайно дурной редакцией. Литовская Метрика, при существовании Статейных списков, может служить только некоторым, но весьма незначительным дополнением к ним»¹⁸.

Причину краха ВКЛ наиболее четко обозначил Антонович, хотя та же мысль звучит и у других российских исследователей: не надо было так чрезмерно расширяться, собирать в себе столько земель, стран и народов. Не трогали бы древнерусские земли, не братались бы с Польшей, не аннексировали бы Ливонию, не удерживали бы насилино Украину – глядишь, ВКЛ и уцелело бы... То есть признается право литовской государственности на создание локальной национальной державы. А вот прерогатива собирания земель Восточной Европы может принадлежать только Российской империи.

Эти взгляды, в общем-то, разделяла и советская литуанистика. Так, А. Л. Хорошкевич писала, что перелом в сознании крупных литовских феодалов наступил в 1484 г., когда полки ВКЛ не смогли отразить крымского нашествия. «Неспособность войска Великого княжества Литовского противостоять набегам крымцев подрывала веру в целесообразность пребывания крупнейших феодалов в этом политическом образовании». И они стали отъезжать в Москву¹⁹. По мнению историка:

«К концу XV в. Великое княжество Литовское являло собою некоторый анахронизм, подобный, пожалуй, Священной Римской империи германской нации. В ту эпоху, когда в остальных странах Европы формировались национальные централизованные государства, Литовское княжество, как и Германская империя, оставалась нецентрализованным полигэтническим образованием... Широкие полномочия феодалов сужали сферу деятельности господаря. Его политика была направлена лишь на сохранение в пределах княжества «русских» земель. Ради этого велиокняжеская власть передавала интересы собственного народа (Клайпедский край и Зане-

¹⁸ Карапов Г.Ф. История борьбы Московского государства с Польско-Литовским. Москва, 1867, с. 13, 21, 28.

¹⁹ Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. Москва, 1982, с. 142.

манье по-прежнему оставались в руках Ливонского ордена) и шла на союз с враждебными и ей, и широким массам населения Литвы Орденским государством и Крымским ханством»²⁰.

Для России, начиная с Н. М. Карамзина, особую роль играла парадигма «воссоединения русских земель», которые Россия периодически утрачивала из-за агрессии иноземных супостатов, но затем неизменно находила в себе силы вновь собрать воедино. Потом опять теряла, потом вновь обретала – и так несколько раз. Увлечение в историческом нарративе подобными построениями даже породило афоризм «Россия – государство пульсирующее». Поглощение Россией ВКЛ под лозунгом возврата бывших земель Киевской Руси явилось идеальной рефлексией данного дискурса в политической практике. Отечественной исторической памятью оказались востребованы именно те страницы истории ВКЛ, которые были связаны с парадигмой «воссоединения территорий»: войны, дипломатические споры, положение в ВКЛ православного населения и т. д. При этом российский дискурс ВКЛ как «Русской земли» на протяжении XV–XX вв. менялся. Его содержание претерпело эволюцию от толерантной идеи духовно-религиозной общности (в средневековье) до конфронтационной (со второй половины XVI –XVIII вв.) и даже националистической (XIX–XX вв.) идеологии. Строго говоря, по крайней мере публичное артикулирование намерения вооруженной борьбы Москвы за объединение русских земель, находящихся под властью ВКЛ, стоит относить не ко времени Ивана III (если не считать проекта русско-имперского договора 1489 г.), а к правлению его внука Ивана IV. Хотя здесь политическая практика опережала идеологию – первые захваты территории ВКЛ были все же осуществлены еще при Иване III (1462–1505) и Василии III (1505–1533). Но осмысление их значения и подведение концептуальной основы произошло позже²¹. Генезис этой идеи занял первую половину XVI в. А в середине столетия Москва уже была готова объяснить и самой себе, и окружающему миру, почему часть территории ВКЛ на самом деле должна принадлежать русскому царю.

Таким образом, на протяжении XIV–XVI вв. значение концепта «всех Руси» менялось, и его влияние на русско-литовские отношения тоже. Историки же нового и новейшего времени часто не учитывали динамики и характера этих изменений, а упрощали прочтение прошлого, трактуя его как вековую борьбу, начиная с XIV в., с Ивана Калиты, за возврат русских земель в лоно родной России из-под власти литовских агрессоров. При этом характеристики

²⁰ Хорошевич А.Л. Великое княжество Литовское // История Европы. Т. 2: Средневековая Европа. Москва, 1992, с. 436–437.

²¹ Подробнее см. Филошкин А.П. Титулы русских государей. Москва-Санкт-Петербург, 2006, с. 152–193, глава «Гитул всей Руси».

объединительного процесса во многом выводились не из средневековых источников, а из политической практики XIX–XX вв., связанной с подавлением польских восстаний 1830 и 1863 гг., интеграцией в империю Западного края, подведением идеологической основы под существование «братской семьи» республик СССР.

В советской историографии, разделявшей и развивавшей вышеприведенные трактовки, они были дополнены тезисом о классовом характере борьбы за национальное освобождение русских земель в составе ВКЛ. В трудах советских историков была предложена классическая схема: народ ВКЛ, то есть крестьянство, горожане, мелкая и средняя православная шляхта выступали за воссоединение с Московским государством. Против же была крупная шляхта, а также магнаты – латифундисты, опасавшиеся в России лишиться своих огромных вотчин. Поэтому эти средневековые «олигархи» и тянули к Польше с ее дворянскими вольностями. Как писал Б. Н. Флоря, «украинские и белорусские феодалы ради защиты своих прав и привилегий заняли по существу антинациональную позицию», при этом обманывали свой народ, и ему «было нелегко» понять, кто его истинный друг, а кто враг²².

В постсоветское время в России приобрела определенную популярность концепция ВКЛ как «другой Руси», усвоившей, в отличие от Руси Московской, культурные, демократические и правовые конвенции европейского мира, сумевшей реализовать демократическую модель развития, альтернативную московскому авторитаризму²³. По словам С. В. Думина:

«Опыт Великого княжества Литовского и Русского показывает, что на восточнославянских землях было возможно создание не только азиатской деспотии Ивана Грозного, но и доста-

²² Пашуто В.Г., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. Москва, 1982, с. 174–175. См. блестящую критику искусственности подобных построений в работе: Крам М.М. Меж Русью и Литвой: Западно-русские земли в системе русско-литовских отношений конца XV–первой трети XVI в. Москва, 1995.

²³ См. такого рода концепции и их критические оценки в работах: Думин С.В. Другая Русь: (Великое княжество Литовское и Русское) // История Отечества: Люди, идеи, решения: Очерки истории России IX – начала XX в., сост. С. В. Мироненко. Москва, 1991, с. 76–126; Авроринченко А.Ю., Кривошеев Ю.В. «Феодальные войны» или демократические альтернативы? // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 2: История. Языкоznание. Литературоведение. Вып. 3. Санкт-Петербург, 1992, с. 3–12; Крам М.М. Россия и Великое княжество Литовское: два пути в истории // Английская набережная, 4. Ежегодник, 2000. Санкт-Петербург, 2000, с. 73–100; Бычкова М.Е. Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г.: Опыт сравнительно-исторического изучения политического строя. Москва, 1996; Могилевский К.И. Отношения Тверского великого княжества с Литовским государством (середина XIII – конец XV века) // Дни славянской письменности и культуры. Вып. 3. Тверь, 1997, III, с. 29–49; Александров Д.Н. Полицентризм объединительных тенденций в Южной, Юго-Западной, Юго-Восточной и Западной Руси (XIII–XIV века): Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 2001; etc.

точно эффективное функционирование демократических институтов многонационального государства, в течении длительного периода довольно успешно решавшего свои многочисленные проблемы»²⁴.

Другой институт, привлекавший в ВКЛ – федерализм, обычно противопоставляемый российской имперской и унитарности. Хотя в своих оценках федеративного устройства ВКЛ российские авторы опирались в основном на классические труды дореволюционных историков, добавив к ним мало нового²⁵.

В постсоветской историографии ВКЛ наблюдается следующая картина. Внимание исследователей (среди которых, прежде всего, следует выделить А. Л. Хорошкевич) привлекла прежде всего Литовская метрика. Здесь как вводились в оборот новые документы²⁶, обсуждались проблемы подготовки документов к публикации²⁷, так и были опубликованы некоторые материалы из творческого наследия В. Т. Пащуто²⁸, хотя большинство его замыслов так и осталось нереализованными²⁹. Главным достижением стало издание в 1989 г.

²⁴ *Думин С.В. Другая Русь: (Великое княжество Литовское и Русское) // История Отечества: Люди, идеи, решения: Очерки истории России IX – начала XX в., сост. С. В. Мироненко. Москва, 1991, с. 123.*

²⁵ Определение ВКЛ как федеративного государства наиболее полно в отечественной историографии было дано в работах: *Довнар-Запольский М.В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, 1901, I, с. 800–802; Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского статута: Исторические очерки. Москва, 1892; Любавский М. К. Очерк истории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно: С приложением текста хартий, выданных Великому княжеству Литовскому и его областям. Москва, 1915, с. 82–94.* Из значительных отечественных трудов стоит выделить только исследование Н. Б. Шеламановой, относящееся еще к советскому времени – *Шеламанова Н.Б. Образование западной части территории России в XVI в. В связи с отношениями с великим княжеством Литовским и Речью Посполитой: Автограферат дис. ... канд. ист. наук. Москва, 1971.* В постсоветский период изучением федеративного устройства ВКЛ занимаются в основном белорусские, польские, литовские историки.

²⁶ *Флоря Б.Н. Прерогатива Сигизмунда III смоленской шляхте. К истории религиозной нетерпимости в Речи Посполитой первой половины XVII века // Славяне и их соседи. Вып. 7. Москва, 1999, с. 138–142; Флоря Б.Н. Сведения о землевладении русских дворян конца XVI – начала XVII века в материалах Литовской Метрики // Антонов А.В. (отв. ред.) Русский дипломатарий. Вып. 7. Москва, 2001, с. 403–414.*

²⁷ *Думин С.В. О Литовской метрике // Вопросы истории, № 10. 1988, с. 181–183; Топалова Т.В. Задачи изучения истории великокняжеской канцелярии Жигимонта I Старого периода канцлерства О. М. Гаштольда: (По материалам книг-копий Литовской Метрики, 1522–1539 гг.) // Вопросы историографии и источниковедения дооктябрьского периода. Москва, 1992, с. 5–27.*

²⁸ *Пашуто В.Т. Исследования по истории Литовской метрики: В 2-х вып., авт. предисл. А. Л. Хорошкевич. Москва, 1989.*

²⁹ Об этом: *Думин С.В. Об изучении истории Великого княжества Литовского // Советское славяноведение, № 6. 1988, с. 97–101; Хорошкевич А.Л. Последние публикаторские начинания В. Т. Пащуто и их судьба // Джаксон Т.Н., Мельникова Е.А. (ред.) Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В. Т. Пащуто. Москва, 1999, с. 294–298.*

научного сборника в 385 страниц по Литовской метрике³⁰ и участие российских историков в межреспубликанских конференциях. Однако за последние десятилетия так и не состоялось никаких крупных публикаторских проектов в сфере метрикианы. Несмотря на то, что подлинники большинства книг хранятся в Москве, в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), ни одна книга метрики российскими историками за последние почти сто лет не была издана. К середине 1990-х гг. активность ученых в изучении метрики приутихла и сейчас сводится к утилитарному привлечению отдельными исследователями конкретных материалов из фондов РГАДА или из публикаций зарубежных коллег.

В конце 1980-х гг. стал развиваться интерес к литовским юридическим памятникам, особенно в сравнительно-историческом аспекте, в сравнении с российским законодательством³¹. Здесь надлежит отметить исследования И. П. Старостиной³². Изучались и издавались целые комплексы актового материала, архивные коллекции и их описания – например, связанные с именами Радзивиллов³³, Сигизмунда II Августа³⁴. Были изданы указатели к Полоцким грамотам³⁵. В оборот также был введен целый ряд переводных памятников, до того малоизвестных в российской историографии, например, сочинения Н. Мархоцкого³⁶, Г. Берертона³⁷, или же заново переведенных и откомментированных

³⁰ Плачуто В.Т. и др. (редкол.) Исследования по истории Литовской метрики, ч. 1–2. Москва, 1990.

³¹ Сахаров А.Н. (ред.) Судебник 1497 г. в контексте истории российского и зарубежного права XI–XIX вв. Москва, 2000. Стоит также выделить статью: Кучкин В.А. Московско-литовское соглашение о перемирии 1372 года // Древняя Русь. Москва, 2000, № 1, с. 11–39; № 2, с. 1–14.

³² Старостина И.П. К вопросу о сходстве и различии законодательных памятников Великого княжества Литовского и Русского государства в XV в. // Новосельцев А.П. (отв. ред.) Древнейшее государство на территории СССР: Материалы и исследования. Москва, 1989, с. 9–99; Старостина И.П. Право великого княжества Литовского XV в. в контексте культурно-исторических связей Польши, Литвы и Руси // Джексон Т.Н., Мельникова Е.А. (ред.) Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В. Т. Панпуто. Москва, 1999, с. 237–244.

³³ Крам М. М. (сост.) Памятники истории Восточной Европы: Источники XV–XVII вв. Т. VI: Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки: Первая половина XVI в. Москва–Варшава, 2002.

³⁴ Савельева Е.А. (сост.) Книги из библиотеки польского короля Сигизмунда II Августа: Каталог, б-ка РАН. Санкт-Петербург, 1994; Савельева Е.А. Книги польского короля Сигизмунда II Августа // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редакционной книги, 1985. Ленинград, 1987, с. 223–246.

³⁵ Полоцкие грамоты XIII–начала XVI вв.: Указатели. Москва, 1989.

³⁶ Мархоцкий Н. История Московской войны, подг. публикации, пер., вводн. ст., комм. Е. Куксиной. Москва, 2000.

³⁷ Берертон Г. Известия о нынешних бедах России, происходивших в результате последней войны между нынешним королем Польши Сигизмундом, бывшим королем

(дневник Марины Мнишек³⁸, сочинения Михалона Литвина³⁹, А. Гваньини⁴⁰ и др.). В тематическом аспекте среди публикаций источников исследователи чаще всего обращались к источникам по истории посольских и военных отношений ВКЛ с Московским государством в XVI–XVII вв.⁴¹

Последнее, на чем необходимо остановится при обзоре публикаций источников – это выход в свет подготовленных В. И. Матузовой западноевропейских раннесредневековых источников, которые дают дополнительные материалы по проблеме возникновения ВКЛ и отношений древних литовцев с крестоносцами⁴².

Швеции Карлом, императором России Дмитрием, последним из этой династии, сост. Г.М. Коваленко. Санкт-Петербург, 2002.

³⁸ Дневник Марины Мнишек, пер. В.Н. Козляков, отв. ред. Д.М. Буланин. Санкт-Петербург, 1995.

³⁹ Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян, пер. В.И. Матузовой, вступ. ст. М.В. Дмитриева, комм. С.В. Думина и др., отв. ред. А.Л. Хорошкевич. Москва, 1994.

⁴⁰ Гваньини А. Описание Московии, пер. с лат., вводн. ст. и комм. Г.Г. Козловой. Москва, 1997.

⁴¹ Антонов А.В., Крам М.М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // *Архив русской истории*. Вып. 7. Москва, 2002, с. 149–196; *Воскобойник Н.П.* Английский источник о правлении и гибели Алжедимитрия // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. Москва, 1991, с. 45–52; Шмидт С.О. (ред. тома), Морозов Б.А. (сост.) Памятники истории Восточной Европы: Источники XV–XVII вв. Т. II: «Выписка из посольских книг» о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1487–1572 гг. Москва-Варшава, 1997, с. 33–330; Граля И., Демидова Н.Ф., Флоря Б.Н., Эскин Ю.М. (сост.) Памятники истории Восточной Европы: Источники XV–XVII вв. Т. III: Документы Ливонской войны (подлинное Делонпроизводство приказов и воевода) 1571–1580 гг., Москва-Варшава, 1998; Флоря Б.Н. (подг. к печати) Памятники истории Восточной Европы: Источники X–XVII вв. Т. I: Документы Разрядного приказа о походе А. Лисовского (осень–зима 1615 г.). Москва-Варшава, 1995, с. 99–124; Иван Грозный – претендент на польскую корону (публ. подгот. Б. Н. Флоря) // Исторический архив. 1992. № 1, с. 173–182; Лыкова Е.Е., Кулешкий М. (сост.) Памятники истории Восточной Европы: Источники XV–XVII вв. Т. IV: Крестоприводная книга шляхты Великого княжества Литовского 1655 г. Москва-Варшава, 1999; Литва и Русь в 1534–1536 гг. (публ. подгот. И. Граля, Ю.М. Эскин) // Вестник Московского государственного университета. Серия 8: История. 1999. № 4, с. 65–76; Сметанина С.П. Новый документ о пребывании рязанского князя Ивана Ивановича в Литве // Антонов А.В. (отв. ред.) Русский дипломатарий,. Вып. 6. Москва, 2000, с. 14–16; Эскин Ю.М., Граля И. «Новинны Московскіе». Два донесения пограничных старост эпохи Бориса Годунова // Турилов А.А. (сост.) Florilegium. К 60-летию Б. Н. Флори: Сборник статей. Москва, 2000, с. 454–478; etc.

⁴² Матузова В.П. Грамота вице-магистра Тевтонского ордена в Пруссии Бурхарда фон Хорнхаузена галицкому князю Даниилу и мазовецкому князю Земовиту (1254 г.) // Восточная Европа в древности и средневековье: Международная договорная практика Древней Руси. IX Чтения памяти В. Т. Пашупто. Материалы к конференции, отв. ред. Е. А. Мельникова. Москва, 1997, с. 33–35; Матузова В.П. Английская знать в крестовых походах на Пруссию и Литву (XIV в.) // Восточная Европа в древности и средневековье. Спорные проблемы истории. Чтения памяти В. Т. Пашупто: Тезисы докладов, отв. ред. А. П. Новосельцев. Москва, 1993, с. 50–51; Матузова В.П. Древние пруссы глазами

На сегодняшний день это самые полные публикации источников по роли крестоносцев в Прибалтике, изданные на русском языке.

Констатируя повышение внимания ученых к источниковедческой проблематике, все же стоит отметить, что этот интерес не вылился в организацию значительных исследовательских центров или коллективов, возникновение научных школ, а ограничился воплощением в частных инициативах отдельных историков. Обращение к Литовской метрике проходило во многом под лозунгом реализации всех задумок и идей покойного В. Т. Пашуто и его учеников, публикации его неизданных исследований. Однако когда идеи самого В. Т. Пашуто закончились, то последователей, которые смогли бы обеспечить работу научных школ или направлений по изданию источников по истории ВКЛ, по разным причинам не нашлось.

Исключением здесь, пожалуй, стало только основание в 1995 г. серии «Памятники истории Восточной Европы», связанное с работой польского историка И. Грали, российских специалистов Б. Н. Флори, Б. М. Эскина и сотрудников Российского государственного архива древних актов. Создатели серии поставили перед собой задачу введения в оборот ранее неизвестных или неопубликованных документов по истории отношений России, ВКЛ и РП, хранящихся в русских и польских архивохранилищах. Благодаря этой инициативе почти через сто лет возобновилась публикация текстов, связанных своим происхождением с посольскими книгами. Особо хотелось бы выделить издание уникальных комплексов документов походных воинских канцелярий времен Ливонской войны и Смуты. В серию также вошел ряд комплексов актового материала XVI–XVII вв.⁴³ Необходимо подчеркнуть вы-

хрониста немецкого ордена (об одном фрагменте «Хроники земли Прусской Петра из Аусбурга» // Восточная Европа в древности и средневековье. X Чтения памяти В. Т. Пашуто. Материалы к конференции, отв. ред. Е. А. Мельникова. Москва, 1998, с. 66–67; *Матузова В.И. Создание исторической памяти (Ранние исторические сочинения Тевтонского Ордена в Пруссии)* // Восточная Европа в древности и средневековье: Историческая память и формы ее воплощения. XII Чтения памяти В. Т. Пашуто: Материалы конференции, отв. ред. Е. А. Мельникова. Москва, 2000, с. 10–14; *Матузова В.И. Борьба за Полоцк в «Новой прусской хронике» Вигнанда Марбургского // Джакон Т.Н. (отв. ред.) Норма у источника Судьбы: Сборник статей в честь Е. А. Мельниковой. Москва, 2001, с. 254–258; Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в.–1270 г.: Тексты, перевод, комментарии, отв. ред. В. Л. Янин. Москва, 2002.*

⁴³ Серия была открыта публикацией: *Станиславский А.Л., Мордовина С.П. (подг. к печати) Памятники истории Восточной Европы: Источники XV–XVII вв. Т. I: Книга сеунчей 1613–1619 гг. Москва–Варшава, 1995, с. 13–98. Об остальных изданиях серии, имеющих отношение к истории ВКЛ см.: Флоря Б.Н. (подг. к печати) Памятники истории Восточной Европы: Источники X–XVII вв. Т. I: Документы Разрядного приказа о походе А. Лисовского (осень–зима 1615 г.). Москва–Варшава, 1995; Шмидт С.О. (ред. тома), Морозов Б.А. (сост.) Памятники истории Восточной Европы: Источники XV–XVII вв. Т. II: «Выписка из посольских книг» о споплениях Российского государства с Польско-*

соких уровень археографической работы составителей данной серии, но, к сожалению, сегодня она является единственным в России продолжающимся изданием, посвященным истории ВКЛ и РП.

В связи с ростом интереса в постсоветской России к истории религии и духовной жизни в современной российской историографии ВКЛ сложилось, пожалуй, единственное в современной российской литуанистике динамично развивающееся научное направление, связанное с изучением церкви и, прежде всего, церковных уний в ВКЛ и РП. Его лидерами выступают Б. Н. Флоря, М. В. Дмитриев и др.⁴⁴

В результате развития вышеназванных тенденций к середине 1990-х гг. в российской историографии сложилось ситуация, характеризующаяся наличием особого поля научных поисков, связанного с историей ВКЛ и РП. Это выражалось в появлении ряда диссертационных работ и серьезных монографий по данной проблематике. Историки также отдали дань модному в эти

Литовским за 1487–1572 гг. Москва-Варшава, 1997; *Гравя II, Демидова Н.Ф., Флоря Б.Н., Эскин Ю.М. (сост.) Памятники истории Восточной Европы: Источники XV–XVII вв. Т. III: Документы Ливонской войны (подлинное Делопроизводство приказов и воевод) 1571–1580 гг.*, Москва-Варшава, 1998; *Лыкова Е.Е., Кулешкий М. (сост.) Памятники истории Восточной Европы: Источники XV–XVII вв. Т. IV: Крестоприводная книга шляхты Великого княжества Литовского 1655 г.* Москва-Варшава, 1999; *Крам М.М. (сост.) Памятники истории Восточной Европы: Источники XV–XVII вв. Т. VI: Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки: Первая половина XVI в.* Москва-Варшава, 2002.

⁴⁴ Дмитриев М.В., Флоря Б.Н., Яковенко С.Г. Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и Белоруссии в конце XVI–начале XVII в. Ч. I: Брестская уния 1596 г. Исторические причины события, отв. ред. Б. Н. Флоря. Москва, 1996; Дмитриев М.В. Генезис Брестской унии 1596 г.: Очерки по истории Украины. Пособие к курсу лекций. Вып. 1. Москва, 1993; Дмитриев М.В. К истории реформационной проповеди в восточнославянских землях во второй половине XVI в. // Советское славяноведение, № 2. 1989, с. 15–26; Дмитриев М.В. О религиозно-культурных задачах Брестской унии 1596 года // Славяне и их соседи. Вып. 3. Москва, 1991, с. 76–95; Дмитриев М.В. Православная проповедь в Речи Посполитой во второй половине XVI–первой половине XVII века (по материалам рукописных учебительных Евангелий и четырех сборников) // Katolicyzm w Rosji i Prawosławie w Polsce (XI–XX w.) / Католицизм в России и Православие в Польше (XI–XX вв.). Warszawa, 1997, с. 99–107; Лукашева С.С. Взаимоотношения клира и мирян в восточных землях Речи Посполитой во второй половине XVI в.: Автoreф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2002; Донченко Н.Ф. Григорий Цамблак и антилатинская полемика XIV–XV вв. // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 10, отв. ред. М. Ю. Люстров. Москва, 2000, с. 215–230; Зaborowski A.B. Религия и политика в кризисный период конца 40-х–60-х гг. XVII в. в Восточной и Центральной Европе // Вестник Российской гуманитарного научного фонда, № 3. Москва, 1997, с. 67–75; Флоря Б.Н. Брестские синоды и брестская уния // Славяне и их соседи. Вып. 3. Москва, 1991, с. 59–75; Флоря Б.Н. Попытка осуществления церковной унии в Великом княжестве Литовском в последней четверти XV–начале XVI века // Славяне и их соседи. Вып. 7. Москва, 1999, с. 40–81.

годы направлению – историографическим работам, в которых освещались вопросы научного творчества того или иного дореволюционного историка. Однако появилась и новая тематика. Во-первых, специальному изучению подверглись отдельные, достаточно обширные сюжеты из истории ВКЛ. На некоторых из работ этого времени стоит остановиться подробнее.

Прежде всего, делались попытки вписать историю ВКЛ в уже имеющиеся концептуальные схемы. Примером подобного подхода могут быть исследования А. Ю. Дворниченко⁴⁵, который в своей докторской диссертации и монографии применил к изучению истории земель ВКЛ XIV–XV вв. методику и теоретические положения концепции, обнародованной в его совместной монографии с И. Я. Фрояновым о существовании в средневековой Восточной Европе городов-государств по типу самоуправляющихся городских коммун⁴⁶. А. Ю. Дворниченко исследовал также социальные структуры ВКЛ. В центре его внимания находились служилая и общинная системы. Через эти институты автор поставил перед собой задачу раскрыть важнейшие стороны становления литовской государственности. Монография содержит обширный фактический материал и очень подробный обзор российской историографии XIX в.

Попытка показать тенденции развития городов ВКЛ на примере истории одного центра – Полоцка – в XII–XVI вв. была предпринята в научно-популярной книге Д. Н. Александровым и Д. М. Володихиным⁴⁷. Судьба этого населенного пункта рассматривается в контексте перманентного московско-литовского противостояния. Д. Н. Володихин также вступил в полемику с белорусскими историками, отстаивая традиционную «москвоцентричную» точку зрения в оценках российского продвижения на территорию ВКЛ и РП.

Фундаментальным и в значительной степени эталонным является историко-географическое исследование В. Л. Янина и Л. А. Бассалыго⁴⁸, содержащее реконструкцию системы населенных пунктов между Новгородской, Псковской землями и Литвой в XIII–XV вв. Издание сопровождено подробными картами и анализом спорных историко-географических сюжетов.

Большую популярность у читателей получила монография М. М. Крома⁴⁹, посвященная истории социально-политических процессов в ВКЛ в кон-

⁴⁵ Дворниченко А.Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.). Санкт-Петербург, 1993.

⁴⁶ Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Ленинград, 1988.

⁴⁷ Александров Д.Н., Володихин Д.М. Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XIII–XIV вв. Москва, 1994.

⁴⁸ Янин В.Л. Новгород и Литва: Пограничные ситуации XIII–XV вв. Москва, 1998.

⁴⁹ Кром М.М. Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI вв. Москва, 1995.

це XV – первой трети XVI вв. Как и Д. Н. Володихин и Д. М. Александров, М. М. Кром анализирует эти процессы в контексте противостояния Московского государства с Королевством Польским и Великим княжеством Литовским. В центре внимания исследователя оказались две основные проблемы, обращение к которым во многом было вызвано необходимостью корректировки существующей историографической ситуации. Это, во-первых, вопрос о «украинных» и православных князьях в ВКЛ и степени их связей с Москвой. Автор пришел к выводу, что часто встречающееся в историографии мнение о взаимообусловленности православного вероисповедания князей и их политической ориентации на сотрудничество с московскими властями далеко не всегда оправданно. Источники свидетельствуют о гораздо более разнообразной конфессиональной принадлежности как союзников, так и противников Московской Руси. Во-вторых, в монографии отдельно разбирается вопрос о политической ориентации городских слоев ВКЛ и проблеме выбора между Москвой и Литвой, стоявшей перед ними. Поскольку автор убедительно показал, что, в отличие от утверждений советской историографии, этот выбор далеко не однозначно решался в пользу Москвы, то его книга вызвала немалый резонанс, особенно среди белорусских и литовских историков.

Последней монографией этого времени, на которой хотелось бы остановится, была книга М. Е. Бычковой, на основе которой ею была защищена докторская диссертация⁵⁰. Работа посвящена сравнительному анализу институтов власти, политической идеологии и социального строя Литвы и Московии. В предисловии к книге автор заявляет, что «при современном состоянии исторических исследований политической истории России, Литвы и Польши в средневековый период вскрыть поставленные вопросы практически невозможно... поэтому в ряде случаев наблюдения автора носят скорее постановочный характер, направлены на то, чтобы стимулировать дальнейшие исследования, а не претендуют на окончательное решение проблемы». Однако М. Е. Бычкова выполнила эту установку как-то уж очень буквально: ее труд содержит очень краткий фрагментарный обзор главных вопросов социально-политического строя ВКЛ, которые освещены на 173 страницах. К сожалению, практически все они при этом остались открытыми.

В России не сложилось периодического издания, целиком посвященного исследованию ВКЛ. Наиболее часто связанные с данной проблематикой вопросы поднимались на ежегодной научной конференции «Славяне и их соседи», проводящейся в Москве при участии специалистов Института все-

⁵⁰ Бычкова М.Е. Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г.: Опыт сравнительно-исторического изучения политического строя. Москва, 1996.

общей истории РАН и Института славяноведения РАН. Тезисы и материалы конференций неоднократно издавались.

Со второй половины 1990-х гг. исследовательский интерес к истории ВКЛ и РП в России начал спадать. Думается, главных причин было две. Во-первых, в российской науке так и не возникли значительные научные центры в виде кафедр, секторов академических институтов и т. д., посвященные изучению ВКЛ. История ВКЛ и РП оказалась, образно выражаясь, «бомжем» в русской научной жизни – ни одно учреждение ею специально не занималось. Во-вторых, защиты докторских диссертаций, как это ни печально, не привели к складыванию научных школ, появлению когорт учеников, которые могли бы впоследствии сформировать «литовское» направление в отечественной науке. Поэтому с конца 1990-х гг. по настоящее время ситуацию с историографией ВКЛ в Российской Федерации определяет ряд тенденций, которые мы попытаемся раскрыть ниже.

Во-первых, изучение истории ВКЛ и РП в большинстве случаев является результатом чьего-то частного интереса, отдельных творческих инициатив исследователей, занимающихся конкретными вопросами прошлого Восточной Европы.

Во-вторых, история ВКЛ все реже является предметом специального изучения, а чаще исследуется в контексте более глобальных проблем: истории международной политики, восточноевропейских войн, культурной, литературной и религиозной жизни региона. Так или иначе, вопросы, связанные с Литвой, затрагиваются в трудах по русской истории.

В-третьих, поскольку изучение истории ВКЛ и РП сегодня не является «модным», то его почти совсем не коснулись новые методологические веяния, которые так или иначе начинают проникать в российскую науку. На данном направлении господствуют позитивистские школы. Период увлечения поиском исторических альтернатив и моделирования путей государственного развития прошел, да и, строго говоря, его надлежит относить не к истории, а к влиянию на историю политологических веяний. Другие же методологии исторической науки, которые сегодня осваиваются в России – историческая герменевтика, историческая антропология, историческая феноменология и т. д. пока не распространились на изучение ВКЛ. Это свидетельствует о низком градусе интереса наиболее активных представителей русской исторической науки к литовской проблематике.

В-четвертых, подобная ситуация во многом порождена неопределенностью дисциплинарной принадлежности истории ВКЛ в современной российской науке и высшей школе. Вместе с курсом «истории СССР» исчез раздел

«история народов СССР», и в современных вузовских курсах по истории России, равно как и в академических секторах по специальности «история России» ВКЛ и населявшие его народы не являются предметом изучения. Однако кафедры и центры по средневековой и новой истории европейских стран эту проблематику также не подхватили. В результате история ВКЛ осталась «за скобками» образовательного процесса в российской высшей школе, а, следовательно, нет потребности в специалистах по ней – почти отсутствуют аспирантуры и т. д.

Это породило в некотором смысле парадоксальную ситуацию. Сегодня в российской науке гораздо плодотворнее, причем с применением современных методов гуманитарного знания изучается история земель ВКЛ и РП в составе Российской империи, то есть в XIX – начале XX вв. В этой связи можно назвать работы А. И. Миллера, М. Д. Долбилова, Л. Е. Горизонтова и др.⁵¹ Предыдущий же период, несмотря на большое количество работ, оказывается изученным позитивистскими методами и весьма фрагментарно. В современной российской историографии ВКЛ мало фундаментальных исследований, и много «белых пятен», особенно при изучении XVII–XVIII вв.

⁵¹ Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). Москва, 1999; Долбилов М.Д. Конструирование образов мятежа: Политика М. Н. Муравьева в Литовско-Белорусском крае в 1863–1865 гг. как объект историко-антропологического анализа // Actio Nova 2000. Москва, 2000, с. 338–408; Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). Санкт-Петербург, 2000.